

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ

ВЫБОР

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 327(73)
ББК 66.4(7Сое)
Б58

Серия «Эксклюзивная классика»

Zbigniew Brzeziński
THE CHOICE: GLOBAL DOMINATION
OR GLOBAL LEADERSHIP

Перевод с английского *О. Колесникова*
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*
Печатается с разрешения издательства Perseus Books
и агентства Projex International

Бжезинский, Збигнев.
Б58 Выбор / Збигнев Бжезинский ; [перевод с ан-
глийского О. Колесникова]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2023. — 384 с. — (Эксклюзивная клас-
сика).

ISBN 978-5-17-159128-1

В книге «Выбор» автор излагает свою концепцию глобального лидерства Америки: только США могут и должны быть мировым лидером, но это, в свою очередь, требует от США перестать быть государством, преследующим свои узконациональные интересы, а представлять интересы всего мира.

УДК 327(73)
ББК 66.4(7Сое)

ISBN 978-5-17-159128-1

© Zbigniew Brzezinski, 2004
© Перевод. О. Колесников, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2023

ВЫБОР

Мировое господство
или глобальное лидерство

Предисловие

Моя главная идея в отношении роли Америки в мире весьма проста: американское могущество, которое многие считают решающим фактором в обеспечении государственного суверенитета, в настоящее время служит самой главной гарантией общемировой стабильности, тогда как американское общество стимулирует развитие таких глобальных социальных тенденций, которые подтачивают традиционный государственный суверенитет. Могущество Америки и движущие силы ее общества во взаимодействии могут способствовать постепенному созданию всемирной общности на основе совместных интересов. При неправильном же использовании и столкновении друг с другом эти начала могут ввергнуть мир в состояние хаоса и превратить Америку в осажденную крепость.

На заре XXI века могущество Америки достигло небывалого уровня, о чем свидетельствуют глобальное военное присутствие США и ключевое значение ее экономической жизнеспособности для благополу-

лучия мирового хозяйства, инновационный эффект технологической динамичности США и ощущаемая во всем мире притягательность многоликой, но зачастую незатейливой американской массовой культуры. Все это придает Америке беспрецедентный политический вес глобального масштаба. Плохо это или хорошо, но именно Америка определяет сейчас направление развития человечества, и соперника ей не предвидится.

Европе, наверное, под силу составить конкуренцию США в экономическом отношении, но еще не скоро она сможет достигнуть той степени единства, которая позволит ей вступить в политическое состязание с американским колоссом. Сошла с дистанции Япония, которую одно время прочили на роль следующей сверхдержавы. Китай, несмотря на его экономические успехи, судя по всему, будет оставаться относительно бедной страной в течение жизни по меньшей мере двух поколений, а за это время могут случиться серьезные политические осложнения. Россия же больше не участник забега. Короче говоря, у Америки отсутствует и не появится в ближайшее время равный ей по силе конкурент.

Ввиду этого нет никакой реальной альтернативы американской гегемонии и роли мощи США как незаменимой составляющей всеобщей безопасности. В то же время под влиянием американской демократии — и примера американских достижений — повсюду происходят экономические, культурные и технологические изменения, способствующие формированию глобальных взаимосвязей как поверх государственных границ, так и сквозь грани-

цы. Изменения эти способны подрывать ту самую стабильность, которую должна бы охранять американская мощь, и даже порождать враждебность по отношению к США.

Вследствие этого Америка сталкивается с уникальным парадоксом: она — первая и единственная подлинно всемирная сверхдержава, однако американцев все больше беспокоят угрозы, исходящие от значительно более слабых недругов. Тот факт, что Америка обладает беспрецедентным международным политическим влиянием, делает ее объектом зависти, негодования, а то и жгучей ненависти. Кроме того, эти антагонистические настроения могут не только эксплуатироваться, но и разжигаться традиционными соперниками Америки, даже если те сами осмотрительно избегают прямого столкновения с ней. И это представляет собой вполне реальную угрозу ее безопасности.

Следует ли отсюда, что Америка вправе притязать на большую безопасность, чем другие государства? Ее руководители, как управляющие, в чьих руках находится все могущество США, так и представители демократического общества, должны стремиться к тщательно выверенному балансу этих двух ролей. Полагаясь исключительно на многостороннее сотрудничество в мире, где угрозы государственной и в конечном счете всеобщей безопасности, конечно же, растут, создавая потенциальную опасность для всего человечества, можно впасть в стратегическую летаргию. Напротив, упор на самовольное применение суверенной мощи, особенно в сочетании с определением новых угроз исходя из собственных интересов, может вызвать самоизоляция-

цию, прогрессирующую национальную паранойю и усиление уязвимости на фоне повсеместного распространения вируса антиамериканизма.

Америка, охваченная тревогой и одержимая укреплением собственной безопасности, скорее всего, окажется в изоляции в окружении враждебного мира. А если поиски безопасности для себя одной окажутся возведены в принцип, земле свободных людей грозит превращение в государство-гарнизон, насквозь пропитанное духом осажденной крепости. И при этом окончание «холодной войны» совпало с широчайшим распространением технических знаний и возможностей, позволяющих изготовить оружие массового поражения, доступных не только государствам, но и политическим организациям террористической направленности.

Американское общество храбро держалось в устрашающей ситуации «двух скорпионов в одной банке», когда Соединенные Штаты и Советский Союз сдерживали друг друга посредством потенциально сокрушительных ядерных арсеналов, но в условиях проникающего повсюду насилия, регулярно происходящих террористических актов и распространения оружия массового поражения, сохранять хладнокровие ему оказалось труднее. Американцы чувствуют, что в этой политически неопределенной, порой двусмысленной и зачастую сбивающей с толку обстановке политической непредсказуемости кроется опасность для Америки, причем именно потому, что она представляет собой самую главную на планете силу.

В отличие от держав, доминировавших прежде, Америка действует в мире, где временные и про-

странственные связи становятся все теснее. Имперские державы прошлого, такие как Великобритания на протяжении XIX века, Китай на различных этапах тысячелетий своей истории, Рим в течение половины тысячелетия и многие другие, были относительно недостижимы для внешних угроз. Мир, в котором они господствовали, состоял из отдельных, не общавшихся между собой частей, разделенных пространством и временем, что служило залогом безопасности территории государств-гегемонов. В противоположность им Америка обладает беспрецедентным могуществом в глобальном масштабе, но степень безопасности ее собственной территории небывало мала. Необходимость смириться с небезопасными условиями жизни приобретает, похоже, хронический характер.

Поэтому ключевой вопрос: сумеет ли Америка проводить мудрую, ответственную и эффективную внешнюю политику — политику, способную избежать заблуждений в духе психологии осажденного положения и при этом соответствующую исторически новому статусу страны как верховной державы мира? Поиск мудрого внешнеполитического курса следует начинать с осознания того, что «глобализация» по своей сути означает глобальную взаимозависимость. Взаимозависимость не гарантирует равного статуса или даже равной безопасности всем странам. Но она подразумевает, что ни одна страна не имеет полного иммунитета от последствий научно-технической революции, многократно расширившей возможности человека в применении насилия и при этом скрепившей узы, все теснее связывающие человечество воедино.

В конечном счете главный политический вопрос, стоящий перед Америкой, таков: «Гегемония во имя чего?» Будут ли США стараться построить новую мировую систему, базирующуюся на совместных интересах, или станут применять подконтрольную им глобальную мощь в основном в интересах собственной безопасности?

Последующие страницы этой книги посвящены рассмотрению того, что я считаю главными вопросами, на которые необходимо дать всеобъемлющий со стратегической точки зрения ответ, а именно:

- Каковы главные угрозы для Америки?
- Есть ли у Америки, принимая во внимание ее главенствующее положение, право на большую степень безопасности, чем у других стран?
- Как Америке противостоять потенциально кровопролитным угрозам, которые все чаще исходят не от сильных соперников, а от слабых недругов?
- Способна ли Америка конструктивно выстраивать долгосрочные отношения с исламским миром, насчитывающим 1,2 миллиарда человек, многие из которых видят в Америке скорее заклятого врага?
- Может ли Америка принять решающую роль в урегулировании израильско-палестинского конфликта при наличии несовместимых, но законных притязаний двух народов на одну и ту же землю?
- Что нужно сделать для достижения политической стабильности в неспокойной зоне новых Общемировых Балкан, протянувшейся вдоль южной оконечности Центральной Евразии?

• Способна ли Америка наладить подлинное партнерство с Европой, при условии, что политическое объединение Европы происходит весьма медленно, но при этом возрастает ее экономическое могущество?

• Возможно ли вовлечь Россию, уже не соперничающую с Америкой, в атлантическую структуру под американским руководством?

• Какой должна быть роль Америки на Дальнем Востоке при условии сохраняющейся, но с неохотой, зависимости Японии от Соединенных Штатов и роста ее военной мощи, а также усиления Китая?

• Возможно ли, что глобализация породит логически целостную контрдоктрину или контральянс, направленные против Америки?

• Становятся ли демографические и миграционные процессы новыми источниками угроз для всеобщей стабильности?

• Совместима ли американская культура с фактически имперскими притязаниями?

• Как Америке следует реагировать на новое углубление неравенства между людьми, способное заметно усилиться в результате происходящей научно-технической революции и стать более резким под воздействием глобализации?

• Совместима ли американская демократия с мировым господством, как бы тщательно это господство ни маскировалось? Как требования безопасности, неотделимые от этой особой роли, скажутся на традиционных гражданских правах американцев?

Таким образом, данная книга представляет собой отчасти прогноз, отчасти набор рекомендаций.

За исходный пункт взято следующее: недавно начавшаяся революция в передовых технологиях, прежде всего в сфере коммуникаций, благоприятствует постепенному формированию всемирной общности, опирающейся на все более широко признаваемые единые интересы, в центре которой находится Америка. Но потенциально возможная самоизоляция единственной сверхдержавы может погрузить мир в пучину расползающейся анархии, особенно опасной в условиях распространения оружия массового поражения. Поскольку Америке — принимая во внимание ее противоречивую роль в мире — предназначено быть катализатором движения либо к всемирной общности, либо к всемирному хаосу, на американцах лежит уникальная историческая ответственность за то, каким из этих двух путей пойдет человечество. Нам предстоит сделать выбор между господством над миром и лидерством в нем.

30 июня 2003 г.

ЧАСТЬ I

АМЕРИКАНСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Уникальное положение Америки в мировой иерархии сегодня признано почти повсеместно. Изначальное удивление и даже гнев, с которыми была встречена за рубежом открытая констатация главенствующей роли Америки, уступили место более сдержанным — хотя все еще носящим печать обиды — попыткам впрячь гегемонию в свои задачи, ограничить, направить в иное русло или подвергнуть осмеянию*. Даже русские, менее всех склонные, по причинам ностальгического характера, признавать масштабы американского могущества и влияния, согласны с тем, что на протяжении заметного времени Соединенные Штаты будут оста-

* Когда в 1997 году вышла моя книга «Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы», бывший канцлер Германии Гельмут Шмидт в подписанной им рецензии выразил возмущение по поводу признания мною исторически нового факта мировой гегемонии Америки. Немного позже французский министр иностранных дел того времени Юбер Ведрин иронически окрестил гегемонию США «гипермощью».

ваться определяющим игроком на международной сцене*. Когда 11 сентября 2001 г. Америка подверглась террористическим атакам, британцы во главе с премьер-министром Тони Блэром значительно поднялись в глазах Вашингтона, немедленно присоединившись к объявлению американцами войны против международного терроризма. Их примеру последовала значительная часть планеты, включая те страны, что ранее уже испытали на себе боль террористических атак, удостоившись лишь малой толики сочувствия с американской стороны. Прозвучавшие во всех уголках мира декларации типа «мы все — американцы» были не просто выражением искреннего сопереживания, но и своевременными заверениями в политической лояльности.

Современному миру может не нравиться американское превосходство: он может относиться к нему с недоверием, негодовать и время от времени даже составлять направленные против него заговоры. Однако прямо оспаривать верховенство Америки в практическом ключе остальному миру не по силам.

* В недавно опубликованных российских исследованиях мировых тенденций безоговорочно признается, что период американского главенства продлится как минимум еще два десятилетия или около того, причем никакая другая держава не сможет даже приблизиться к подобному статусу. (См. Мир на рубеже тысячелетий: прогноз развития мировой экономики до 2015 г. — М., 2001, коллективная монография Института мировой экономики и международных отношений.) Решение президента Путина после событий 11 сентября однозначно занять сторону Америки было явно продиктовано пониманием, что открытая враждебность к США может только осложнить для России ее собственные дилеммы безопасности.

За последнее десятилетие были отдельные попытки сопротивления, все неудачные. Китайцы и русские пофлиртовали с идеей стратегического партнерства, ориентированного на формирование «многополярного мира» — понятие, суть которого расшифровывается словом «антигегемония». Из этого мало что могло получиться, принимая во внимание относительную слабость России по сравнению с Китаем и прагматизм китайского руководства, прекрасно осознающего, что в текущий момент Китай нуждается в иностранных капиталах и технологиях. Ни на то, ни на другое Пекин не сможет рассчитывать, если его отношения с Соединенными Штатами станут антагонистическими. В завершающем году XX столетия европейцы, и прежде всего французы, с помпой провозгласили, что Европа в ближайшее время обзаведется «независимыми возможностями в области глобальной безопасности». Но, как вскоре показала война в Афганистане, обещание это было подобно некогда знаменитому советскому заверению в исторической победе коммунизма, «показавшейся на горизонте», то есть на воображаемой линии, отодвигающейся по мере приближения к ней.

История — летопись изменений, память о том, что ничто не вечно. Но она же напоминает, что некоторым вещам дарован долгий век, а их исчезновение вовсе не означает возвращения к предыдущей ситуации. Так будет и с сегодняшним мировым главенством Америки. Однажды оно тоже начнет клониться к закату, возможно, позднее, чем хочется некоторым, но раньше, чем полагают многие американцы. Ключевой вопрос: что придет ему на смену?